

С М И Е Ш А

18
1944

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЛЕОНИД СОЙФЕРТИС

Десять лет назад в печати появились первые рисунки тогда ещё молодого художника Леонида Сойфертиса. С тех пор рисунки Сойфертиса, своеобразные по трактовке и тонкие по исполнению, не сходили со страниц советских журналов. С неисчерпаемым разнообразием художник показывал в них сцены из повседневного быта.

В самом начале Отечественной войны Л. Сойфертис ушёл на фронт. Три года он находился на Черноморском флоте, где в трудных военных условиях продолжил творческую работу и сотрудничал в флотской печати. На фронте художник, трижды отмеченный правительственной наградой, показал себя мастером своего жанра. В осаждённых Севастополе и Одессе, во время битвы за Новороссию он видел и рисовал боевые стороны фронтовой жизни. В суровой обстановке он находит образы, проникнутые юмором, огромным оптимизмом, отвагой. Бодрыстю духа, свойственными советским воинам.

Фронтовые рисунки Л. Сойфертиса были недавно показаны в зале Художественного фонда СССР. Своею, остротною, динамичностью, они заинтересуют с большим интересом.

Л. Бродяга

На снимках — рисунки художника Леонида Сойфертиса: сверху — «Очень жаркий день», внизу — «Нордост».

На 1-й странице обложки: орден «Победа».

С М Е Н А

№ 18
Сентябрь
1944 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Вас. Лебедев-Кумач

ЧУДЕСНОЕ СЛОВО

Победа — какое чудесное слово!
Оно, как огонь, зажигает сердца,
Оно трепетать заставляет любовью,
Оно поднимает на подвиг бойца.

Оно, как весенний стремительный ветер,
Сдувает усталость и дух веселит.
Победа! — и звёзды по-новому светят,
Победа! — и солнце светлее горит.

Победа, победа, ты нас осенила
Своим молодым и широким крылом.
Мы чьем свою богатырскую силу,
Мы в битвах мужаем и в битвах растём,

Победа! — и залпы гремят над Москвою,
И трубы играют, и губы поют.
Салют тебе, русский прославленный воин!
Великому Сталину — трижды салют!

В победе советского солнца над ираком
Мы видим свернувший гений его.
Звездой «Победа» — почётным знаком —
Отчизна венчает вождя своего.

Сквозь бури и грозы, страдания и беды
Не раз мы ходили за нашим вождём.
Мы знаем: где Сталин, там будет победа,—
И смело к победе за ним мы идём!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. В. СТАЛИН

Картина художника П. Васильева

ЗА ВИСЛОЙ И ЗА ДУНАЕМ

Неладно и зачепана в небольшой польской деревне, освобожденной в тот день нашими войсками. Ночь стояла теплая и ясная. В роще восточнее окопа была гряда зачепаных деревьев, чужая поляна, вокруг которой темнели остроколючие терновые крестины. С кривога соседнего дома доносился разговор:

— Пан солдат, — спрашивала кто-то, — я правду ли вам говорю, что вы будете делать у нас козлаки?

— Это неправильно, — окажим ярославским говорком отвечал нетеропливый боец. — Как ваше государство самостоятельное, мы ваших порядков не касаемся. Да и у нас козлаки — организация добровольцев. К примеру?

И вступил под эту беседу. Но раненая нога не давала покоя, я часто приседала и каждый раз слышала то же нетеропливый боец:

— Неправильно здесь говорят, будто в Красной Армии — одни коммунисты...

И окончательно проснулася, когда уже светало. Беседа на соседнем крестике уже еще продолжалась. И я встала к окну.

Обуравенная кучкой польских крестьян, на соседнем крестике сидел немолодой, ничем не примечательный боец, каких в нашей армии десятки и сотни тысяч. На выцветшей гимнастёрке были нашиты две асаголки за ранения, поблескивая медалью.

Красная Армия перешагнула западные рубежи Советского Союза, чтобы добить немецкого зверя в его берлоге. Намею бойцу в выцветшей гимнастёрке и пограничной шишаке передо мной доводилось сейчас брать на себя роль дипломата, первого за последние годы посланника советского народа в странах Западной Европы.

Десятьюстами за рубежом насаладывали извращения, жившие представления о Советской стране, о Красной Армии. В годы фашистской оккупации Геббельс и Гоббсваста непрерывно изрыгали грязную хулу на СССР. Горы антисоветской клеветы, нагроможденные врагами, тают сейчас на наших глазах под лучами красной звезды на каске красноармейца. Народы Европы видят воочию светлый образ воина-освободителя, бойца Красной Армии.

Население польской деревни Курьянка, освобожденной нашими войсками, рассказывает о благородном подвиге героя красноармейца. Дело было во время боя за Курьянку. Немцы подошли деревню. Опять охватили дома польских крестьян. Из горющего дома раздавались отчаянные крики. Их услышали советские бойцы, выбившие фашистов из деревни. Красноармейцы бросились в горющий дом и спасли из пламени женщину и двоих детей.

Со словами благодарности женщина спросила своих спасителей:

— Кто вы? Как вас зовут?

— Мы бойцы Красной Армии, — ответили скромные герои и снова бросились в бой.

Приходит рота, Советский Союз и Польша замечат раны, нанесенные войной. Из пепла и развалин рождается новая, светлая жизнь. А население Курьянки не перестает хранить в памяти рыцарский образ красноармейца, в разгаре сражения спасшего из пламени польскую женщину и польских детей. И в Курьянке будут

учить подрастающую молодежь тому благородному поведению, какое проявили в памятный день освобождения деревни от немцев безымянные советские рыцари. Новором в другой польской деревне собрание населения постановило ежегодно начинать учебный год во всех классах местной школой с расказа о героизме советских бойцов, освободивших эту деревню от немецкого гнета.

Могучим потоком разлилась на запад наступление Красной Армии. Стремительно развиваются сейчас военные события. Красноармейцы, шагавшие по полянам западной Украины, искивнивший тину в болотах Белоруссии, переступили через государственную границу СССР. Три года мечтали мы об этой поро. Мы отмеряли по арте расстояние отдаленное от границ. Мы мрачали, когда это расстояние росло, но, стиснув зубы, повторяли заветные сталинские слова: «Будет и на нашей улице праздник!» Потом Красная Армия неуслуживо двинулась вперед, грома немецкую сволочь. Расстояние до границы стало сокращаться. Граница выскла к себе наши сердца как магнит.

И вот свершилось! Рука красноармейца подняла из праха советский пограничник, стиснувший зубы, кончивший немецком. Ранней весной мы достигли первого участка западной границы СССР, атом мы перешли эту границу почти на всем ее протяжении. Родная земля очищена от оккупантов.

Это стоило для Германии роковым. Словом фронтам скажало вокруг преступной Германии: бой идут на востоке, на западе, на юге и на севере Европы. В гигантском колеце отступились изустные обвинения фашистские, германские банкиры, изобретатели «душегубки» и самолета-снаряда, обжирившиеся работогорюм, склукавшие за несколько буржуйских марок русских и украинских душачек. В одном центре кола сидит кровавый шут Адольф Гитлер.

Преступники заматалась. Жена старшего фрейтора Рудольфа Кимштедта гинет мужу на немецкого города Брауншвейга: «Хот бы вся эта дрянь покоскорее кончилась! Лучше всего посылать после войны в Швейцарию, чтобы можно было жить по-человечески». Немцы мечтают сейчас о том, чтобы скрылись от возмездия судачивый, полагаясь, например з швейцарские горы. Тихие мечты. После войны им не придется отдыхать на лоне альпийской природы. Их ждёт своя участь: им предстоит испустить свой предстельный.

Есть на земле справедливости! Её несёт на своих штыках Красная Армия. Она уже вступила на многострадальную землю Польши. Советские дивизии прошли форсированным маршем по территориям Румынии и Болгарии. Восторженный приём красноармейцам германского злодеяния. Аикуя, встретила советские югославия Чехословакия. Шаги красноармейских патрулей гулко раздаются на улицах прада западноевропейских столиц.

Висла и Дунай форсированы. Мы идём по местам, овеянным вековой славой русского оружия. Через Вислу Дунай и Дунай-бogatыри Суворова и Кутузова. Теперь эти великие рубежи переступили чудо-богатыри Сталина. Угнетённые славянские братья просияют от счастья и радости. Восточная Визия. Висла и Дунай разнесет грозный канч: «В последний бой, славяне!»

Фашистская Германия с ужасом увидела советского воина-истеителя на карпатских кручах. Суровые вершины Карпат и Арбы выветрелись исторически столкновения. Ныне карпатский край вновь оштетился русскими штыками. Широкие просторы открылись с этих вершин на восток. Восточные просторы раскинулись плодородные степи Советской Украины, освобожденные от оккупантов; на западе лежат тополя Дуная. Великий русский писатель Леонов, расказывая легенду о великом рыцаре, сиротинцем страшного злодея с вершины Карпатских гор. Ныне на карпатские вершины взмоет доблестный рыцарь нашей дивизии — командир полка, лейтенант Винд, в безоблачную пропасть, величайшего злодея всех времён — немецкого фашиста.

Когда-то Наполеон, покрыв европейский Запад, двинулся на Россию походом «студенцы тысяч». Закованная в кандалы Европа следовала в мёртвом молчании за очередной военной авантюрой величайшего захватчика; и европейские «толчки» ему удались, вынудили новый триумф. В гитлеровском рваном злате Германия 1812 года Россия воевала против Наполеона один на один. Но поражения, нанесённые Кутузовым наполеоновской армии, несли за собой величайшее историческое выступление против Наполеона. В незабываемом марше на Париж русские войска обрести союзников всех наций. Это было позорное поражение, неуслуживо разразившееся в своём беге.

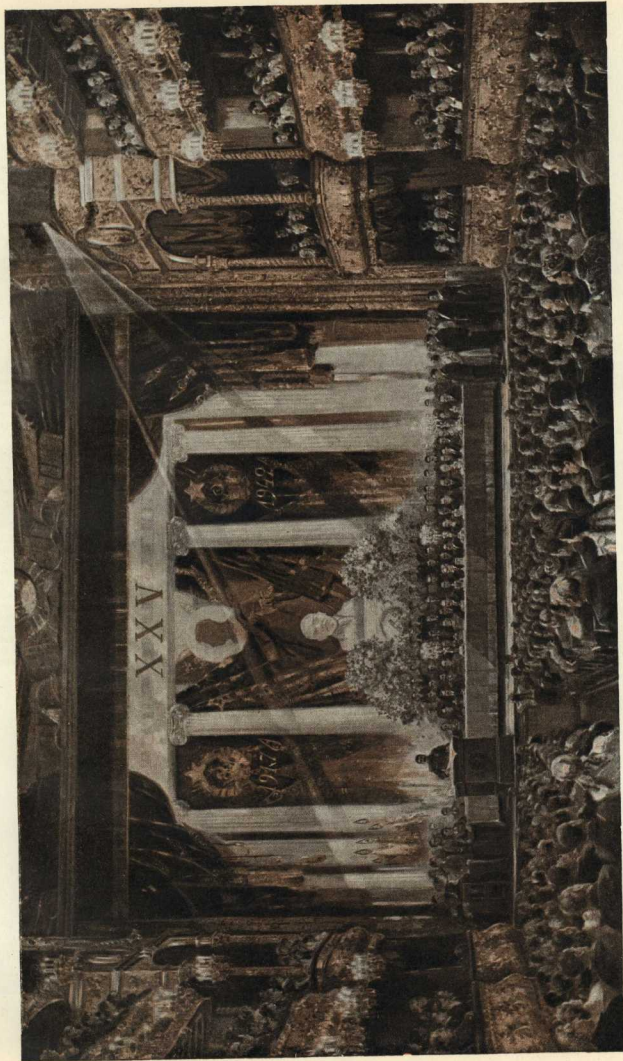
В мемуарах очевидцев и современников этого освобоительного похода русской армии в Западной Европе мы находим гитлеровский возмущение, историческое моральное обнищание русского солдата. Жители европейских столиц устраивали в его честь восторженные демонстрации. Даже в самом Париже напло восторже признание победителей.

И в наши дни, почти полтора века спустя, великий освободительный поход Красной Армии на Запад отозвался могучим эхом по всей Европе. Народы Европы гонят на Восток: оттуда встает солдате свободы.

В своём наступлении Красная Армия обрастает союзными войсками. Почему с пачку с красноармейцами сейчас: сражаются, объединяются народы, ведут к Народно-освободительной армии Югославия, чехословацкие воины. Согласно условиям перемирия, Румыния обязалась выставить не менее двадцати полстатов. Итальянцы воевали против Германии и Венгрии на стороне Объединённых наций под общим руководством Советского Главкомоводования. По ту сторону европейского «восточного» и американским войскам присоединяются свежее французские, итальянские, бельгийские, голландские вооружённые силы.

Прочны и неразрывны узы, возникшие между освободителями и освобождёнными, объединяются народы, ведут к концу борбу с германским фашизмом. Память об исторических днях освобоительной войны, память о пребывании советских воинов-освободителей на территории вражеских земель ставят надёжным златогом великой дружбы между народами Советского Союза и освобождёнными стран Европы.

История боевая страда выпала на долю сталинских воинов. Трудовая, но благородная. Мы даём суровый урок всем захватчикам на веки веков. Мы учим их обожать свободу, свободу, свободу. Мы учим их ничья преступная рука не посягала на священный пограничный столб и написанный из четырёх букв: «СССР».

«Гитлер Октябрь».

Картина художника А. ГЕРАСИМОВА

МОЛОДЕЖЬ АРМЕНИЯ

Д есять лет назад мы являем в Ереване поезию на развалинах старинного византийского храма Грания. Это не так уж далеко от столицы Армении — меньше часа едем на автомобиле. Но тогда люди гостеприимны к сужден едем на араб, с «пачочкой», — и араб надо было вникать с толком, подгоняюще, спокойную, изобретательную, наклонен, и араб являлся, и сон в ней доверку, но люди один за другим предочили, окая и кричат, сползти с неё и идти пешком. Медленно, в страшной, густой пыли, спотыкаясь, о камни, изрытая в колодобны, утопая в вязкой, глинистой луже, почему-то не прошехит с последнего дождя, шлам мы чье и друтой, чтоб ослепеть пошлым над Ереваном. Такой была тогда эта дорога. Протянувшись изрядное время, мы увидели маленькое затерявшееся в песчаных берегах озера Тамаган-Ач, казавшееся вымытым от бесчестных, пустынных берегов. Озеро было над городом и выкакой от него пользы городу, никакой радости. Огромное большинство ереванцев начинало и кончало свою жизнь, не подозревая об его существовании.

В этом году, прозрев свою остановку, я в пять минут доехала на трамвае до прежней пустынной возвышенности. К ней идет теперь улица, верней к ней вышел сам город, разросшийся лопачами и садами, асфальтом и транспарантными столбами. А озеро. Вместо пыльной пустыни — огромный парк, обнесенный оградой. За купами деревьев — выкопанные клумбы, аллеи, посыпанные щебнем дорожки. Какие-то прихотливые павильоны, скульптура, чудесные очертания не то дворца, не то загородной виллы и — совсем в глубине парка — араб, кивающая на солнце бирюза. В первую минуту я не сообразила, откуда здесь этот сияющий водный простор в зеленых берегах, откуда этот пляж с красивыми тенатами, по-европейски расчистанный и нарядный, откуда эти бескрайные, айткие алочки на воде, этот чирый, как жук, трескоглазый котенок, эта шумная, веселая жизнь, — потому что и пляж, и водная станция, и аллеи парка и всё пространство голубого озера усеяны толпой загорелой, жизнерадостной молодежи — паваяющей, брбущей, делающей фигурные прыжки, бегущей воздушные и солнечные ванны. Да ведь это же Тамаган-Ач! Старая, вымытая, прелеющая Араб! Сейчас она окружена парковой оградой и превращена в великолепный водный бассейн города Еревана, а садена, выросшая здесь, — это ереванский Комсомольский парк, собственность подрастающего поколения республики. Так, на месте прежней пустыни наша мы забавляем созданный Арменией чудесный уголок для отдыха молодежи.

Но и в византийской части города, там, где течет река Занга и где в дикометном базальтовом ущелье была построена первая маленькая гидроэлектростанция Армении, нас встретила неожиданность. Если выше была пыльная пустыня, в которой зарылись и зря пропадала озеро, то здесь, внизу, была дикая местность, — и в ней тоже пропадала река, во всей красоте её быстрого, горного бег, зря пропадала для ереванцев. Дойти сюда было нелегко. Расстояние не малое — семь километров. Взрослый ещё туд-суда, прихватив в корзинке ланчонку с сыром да десятку парноко, мог пережить предельный день, чтобы проделать 14-километровый путь и устать потугать до берегов, полежать, выкупаться, отдохнуть, пополадничать. Но ребята эти прогулки вряд ли быма под силу. А вичне Дворец пионеров — хозяин асфальтового ущелья. Дело тут идут ребята на вокзал крошечной железной дороги, расположенной в городе. Маленький паровоз подводит свистя. Маленький кондуктор выдвигает из вагонов. Это свой, детская железная дорога. Дети доезжают до самой гидроэлектростанции и здесь у них свой буфет, свой хороний фрутовый сад, свой кушанье, — словом, своя загородная «останова», поддерживающая изья в чистом, чистейшем порядке. Так за последние несколько лет советского строительства в Армении для отдыха и для пустынных горюсских окраины с помощью молодежи превращены в чудесные места отдыха.

Столица Советской Армении — Ереван

Э то байкающий и, надо сказать, самый ингалятивный пример участия молодежи в росте родной культуры. Тут сразу, с первого взгляда, можно увидеть, какие изменения внесены в привычные очертания городского ландшафта. Но и во всех других областях культуры происходит сейчас этот процесс эквадывания молодежи поколениями своей долей участия в общенародное дело.

Если взять промышленность и производство, то увидишь, что почти всю массу рабочих составляет сейчас в Армении молодежь на стройках, в архитектурных мастерских, в лабораториях большинства — это новые аллы, сыма из учеников и учениц, становящихся командирами, хозяевами, мастерами. Как и всюду у нас в Союзе в промышленности увеличилось число окончивших среднюю школу. Молодежь во время войны быстро начала реализовывать полученный ею запас знаний в работе на полях родины. Отсюда поступало в высшую школу до мирных дней, она росла с аттестатом десятиклассника и девятиклассника и на стройки. Мозг, уже тренированный в школе, лучше и легче схватывает производственные процессы, и, как правило, новая молодежь быстрее проходит ученический стаж и скорее выходит на работу, работает чище, точнее, интеллектуальнее.

Интересны судьбы молодых представителей армянского искусства. Если широко обобщить положение дела с молодыми мастерами до войны и сейчас, после трех лет войны, то напрашивается такой вывод: раньше в жизни, архитектуре, музыке, совершенны так же, как в заводской мастерской, пород экваториальное. Интересны судьбы молодых представителей армянского искусства. Если широко обобщить положение дела с молодыми мастерами до войны и сейчас, после трех лет войны, то напрашивается такой вывод: раньше в жизни, архитектуре, музыке, совершенны так же, как в заводской мастерской, пород экваториальное. Многие молодые творцы — из академий и институтов — сразу попали на фронт, да они участвовали в боевых делах, видели человека в серьезнейшие минуты его жизни. И если работы их под огнем и бомбам, а также в рисовали, учились видеть, схватывать, улавливать типное, обобщать. Зрелость, приобретение художником на фронте, быстро прошедший период ученичества в грозной обстановке войны стоит многих лет подготовки к диплому в школе.

Молодые талантливые архитекторы Раффо Ибрахими и Георгий Тамаган сумели в дни войны развить в полном блеске свой природный дар и выработанный вкус. Война и быстрое созревание в дни войны, приезд в Ереван профессора Игумнова, промышленного зодчего эвакуации и чрезвычайно богатнейшего производственного опыта конструкторов, помогли порывисто быстро вырасти молодым музыкантам Армении, особенно самым юным из них — Котку Артуряну и Арию Шапалянну. Зрелость их обнаружилась самым неожиданным образом. В конкурсах их государственными труппами Армении приняла участие все национальные армянские композиторские силы, в том числе и старое, зрелое мастера. Проходила одна за другой чтура конкурсов, всё больше и больше отпадало представляемые на конкурс произведения. И всё осталось только одно, выдержавшее все испытания. Когда вскрылся конкурс и прочим имя автора, — оказалось, что это «старик», для ученика консерватории — Котик и Арий победители всех музыкантов Армении. И если бы такой крупнейший советский композитор, как Арам Хачатурян, не написал превосходную музыку гимна, — двое юнейших остались бы победителями. Только монументальное творчество Хачатуряна лишало их первенства.

В горах Армении.

В самом центре Еревана стоит изваянная мечеть. Она убралась вядбым, приземистым боком в гостиному «Иттиристу». Но внутри её лёгкие, сводчатые пространства с красивыми, поднимающимися их внутренним куполом, — здесь устраивают отчетные выставки художников. Летом тут отчислялись в творческой работе на экскурсию для молодых армянских авантюристов — С. Арутюнян и А. Чамингарян. Выставку следовало бы повозить по другим городам, дать посмотреть москвичам: так много в ней остроумия и хорошего вкуса. Таапантывые рисоваальчыкы Арутюнян и Чамингарян своеобразно разрешали трудный для карикатуриста вопрос о твисте: вместо поисков «своего» поэта они использовали самым неожиданным, виртуозным образом цитатное богатство классической русской литературы. Ходить от рисунка к рисунку, от витрины к витрине — и словно ты на оружейной выставке, так отчетливо, метко, наповал резит врага карандаш художников. Печаль молодости, свежее, искрящееся остроумие, сила смеха, насыщенные борьбы напоминают лучшие странички классического журнала русской сатиры, «Искру» 60-х годов, где пробовала себя тогдашняя армянская молодежь. Как раз в эти дни в Армению гостил Пьер Кот. Он хохотал, разгадывая рисунки, и записал в книге посетителя, что известия по освобождению Франции видеть и у себя на родине такую же таапантыву и «зубатую» молодежь.

Но, пожалуй, наиболее показательно среди художественной школы Армении разворачивается сейчас перед нами талант Никогосян. Двадцатисемилетнего скульптора и живописца, человека с универсальными художественными потенциями и несобычайной творческой энергией. Он родился под Ереваном в крестьянской семье. До 13 лет бродил пастухом по жарким долинам Армении вместе со своим стадом, в 1932 году поступил в ереванскую среднюю школу. Даровитого мальчика потянуло в балет, он окончил хореографическое училище — и нет никакого сомнения, что балетника собственного толка, ритмический жест, ясное понимание ритмичной движущей очень пригодился ему потом, когда он нашла свой путь в искусстве. Сороковые годы застав Никогосяна в ленинградской Академии художеств учиться замечательным образом.

мечтательнейшего скульптора и одного из лучших молодых художников-педагогов А. Т. Матвеева. Школа Матвеева не была долгой: в первый же год войны, в связи с эвакуацией Академии, Никогосян вернулся в Ереван, — но она успела наложить печать на молодого скульптора. Все время войны Никогосян работает непрерывно, со всей неисчерпаемой эстетической молодости. Он создавал серию мраморных портретных статуй (скульпторы Ашурян, Аберян, Аветик Исаакян, драматург Манвелян, искусствовед Абовян и другие), где всё перелобит индивидуальным характером, от складки одежды до позы оригинала: он выполняет большой государственный заказ (статуя мхатмашиа IV века Аваняна Ширакяки для здания республиканского Армянского) он показывал отчетливые работы, одна из которых — статуя мальчика-партизана «Не спажу». Москвичи могут увидеть эти работы в Третьяковской галерее, на выставке армянского искусства.

Зрелость, достигнутая серьезной исторической школой времени, серьезным опытом Отечественной войны, — большая и реальная вещь. Нельзя её недооценивать, нельзя сейчас не заметить и не учесть её у нашей молодежи. Все старые мастера указывали на важное значение жизни для формирования художника. Горький назвал своими университетами опыты, приобретенные жизнью. Но организация опыта, умение выжать его до капли, сделать его предметом неустанного роста — это дело культуры, той внутренней культуры, которая дается не одной только жизнью, а и школой, систематическим освоением всего лучшего, что сделано человечеством для тебя. Без внутренней культуры художник быстро иссякает, преждевременная зрелость переходит в рожковую несложученость, рожкову незрелость пожилых лет, когда художнику начинает не хватать содержания, потому что в молодости ему не хватало образования. Это надо крепко помнить, всегда говорить себе. И быстро расцветшим, ярким дарованиям Армении, молодой семье, показавшей себя на арене зрелого мастерства, хочется дать горький совет: учиться, не останавливаться снова заснуть за учебу, чтобы зрелый опыт войны соотечественникам и мудрым опытом человечества.

Бывалый солдат.

Фотохуд. Б. Бенатовича (Студия имени Грекова)

РУССКИЕ ВОЙСКА В БЕРЛИНЕ

9 ОКТЯБРЯ 1760 ГОДА

Пусть вспомнит этот день Германия.

Сто восемьдесят четыре года назад, 9 октября 1760 года, победоносные русские войска, сражаясь с армией великого прусского короля Фридриха II, вступили в Берлин.

Пусть вспомнит этот день гитлеровская Германия сегодня — темь Фридриха витеает над нею. Красная Армия, вдобавку разбившая заветные планы пруссоих империалистов XX века, вновь нарушающих спокойствие мира, уже перешагнула границы Восточной Пруссии.

Берлин был взят в разгар Семилетней войны, длившейся с 1756 до 1763 года, после того как русские войска извели немцев ряд тяжелейших поражений. Победы при Грос-Егерсдорфе и Куннерсдорфе вошли в историю как блестящие образцы русского военного искусства. В сражении при Куннерсдорфе (1759 год) русские наголову разбили пруссоиков. Сам Фридрих, по словам очевидцев, в слезах бежал с поля битвы под охраной нескольких гвардейцев, и только случай спас его от пленя.

Великий русский поэт М. Ломоносов писал:

«Порядий слыша шум ордия,
Где пышный дух твой, Фридрих!
Прогневий за свои границы,
Еще ли минши, что ты велик!...»

Спустя год после Куннерсдорфа русские войска заняли германскую столицу и продолжали преследовать врага.
Здесь мы печатаем различные исторические документы, относящиеся к эпохе Семилетней войны и рисующие обстановку взятия Берлина. Часть этих материалов публикуется на русском языке впервые.

Уже вскоре после первых побед русского оружия, в прусской армии нашались люди, потерявшие несостоятельность немецких захватнических претензий и тяжесть положения Германии. Родной брат Фридриха II, прусский наслелый принц Генрих, писал ему:

«Государя!.. Я хочу в последний раз обратиться к вам с предостережением...»

Я должен сказать вам, что благополучие, сила и могущество Пруссии будут в опасности по тех пор, пока вы не перестанете грозить Европе. Вы любите вспоминать Карла XII. Но ведь он потерял свою славу и свой величие! И тем не менее участь его была не так печальна, как будет ваша. Карл XII защищался, поэтому враги его должны были быть снисходительными к нему. Вы же начали смириться. Поэтому вы должны будете молить о снисхождении к вам...»

Вашей смирности бояться. Вам не доверят, если вы заведете все Европу ополчиться против вас... Народы Европы усердны, что только гибель ваша принесет им мир, независимость и счастье. В вашей победе сия видят порабощение человечества, уничтожение законности и degradation человеческого общества.

Фридрих II страшно обиделся на брата и написал ему резкий ответ, в котором заявлял, что «наз земной не крепче опирается на плечи Атласа, чем Пруссия на свою армию».

Увы, прусская армия не оправдала хвастливых надежд своего короля...

После Куннерсдорфа типично немецкая самоуверенность и заносчивость покинул Фридриха. Он окончательно переста-

ет быть разборчивым в средствах ведения войны. По свидетельству одного монахо-францисканца, сопровождавшего австрийские войска, прусский король насильно мобилизует военнопленных в свою армию, что даже в ту эпоху противоречиво между-

Обложка брошюры с письмом прусского наследного принца Генриха Фридриху II.

ЭКОНОМИКА
 Что это за эконо... (text partially obscured)

А. Игисако

Игисако, А.	1000	1000
Игисако, Б.	1000	1000
Игисако, В.	1000	1000
Игисако, Г.	1000	1000
Игисако, Д.	1000	1000
Игисако, Е.	1000	1000
Игисако, Ж.	1000	1000
Игисако, З.	1000	1000
Игисако, И.	1000	1000
Игисако, К.	1000	1000
Игисако, Л.	1000	1000
Игисако, М.	1000	1000
Игисако, Н.	1000	1000
Игисако, О.	1000	1000
Игисако, П.	1000	1000
Игисако, Р.	1000	1000
Игисако, С.	1000	1000
Игисако, Т.	1000	1000
Игисако, У.	1000	1000
Игисако, Ф.	1000	1000
Игисако, Х.	1000	1000
Игисако, Ц.	1000	1000
Игисако, Ч.	1000	1000
Игисако, Ш.	1000	1000
Игисако, Щ.	1000	1000
Игисако, Ъ.	1000	1000
Игисако, Ы.	1000	1000
Игисако, Ь.	1000	1000
Игисако, Э.	1000	1000
Игисако, Ю.	1000	1000
Игисако, Я.	1000	1000

призывает к себе «мага», просит помощи у «сверхестественных сил».
 Но ни нарушение права ведения войны, ни колдовство не помогли Пруссии.

Подобая к Берлину, Чернышёв предпринял разведывательные походы и стал готовиться к штурму. Общая атака Берлина была назначена на 7 часов утра 9 октября. Сигнал к ней давали три выстрела артиллерии. Мужественные русские солдаты и офицеры с энтузиазмом встретили приказ о штурме вражеской столицы. «Новозомою довольно описать, с каким нетерпением и жаждою ожидали волею этой битвы надежды у каждого на лице обозначалась», — сообщила впоследствии в своих репликах Чернышёв.

Третьего октября 1760 года русские войска, возглавляемые генерал-поручиком графом Чернышёвым, появились перед германской столицей.

Между тем пруссаки, увидевшись в том, что готовится решительный штурм, 9 октября, под покровом ночной темноты, ушли свои основные силы из Берлина... Той же ночью командант германской столицы фон Рохов сообщил о капитуляции берлинского гарнизона и всего города на условиях, предложенных русским командованием. На рассвете 9 октября русские войска вступили в Берлин.

В «Журнале военных действий» мы находим следующие записи, относящиеся к этим дням:

«Генерал-поручик и кавалер граф Чернышёв вкратце уведомил, что он вчера под Берлин прибыл, и сбиь неприятеля с места, лагерем расположился.»

«Получен рапорт от генерал-поручика графа Чернышёва... с обстоятельным описанием бывшего... с неприятелем шармицей при занятии лагеря близ Берлина, а именно, что по приходе к Берлину, а именно, что по приходе к Берлину, не выйдя, базисами его с корпусом, не выйдя, а что на вымплах перед Берлином, где лагерь был назначен, небольшой неприятельский корпус лагерем стоял и базисом для защиты имел, — с одной стороны супротивная укреплена, с которой и пальба из пушек началась, через что неприятельская не только к базису для защиты имел, — с одной стороны неприятельский корпус в бегство обратился.»

Все историк, в том числе и немецкие, единогласно признают, что никогда ещё несчастный завоеватель не поступал так высокомерно и умеренно со столицей своего врага, как Чернышёв поступил с Берлином.

Город, королевский дворец, церкви — всё осталось нетронутым. Русские уничтожили только пороховые Magazine и аптечные заводы в Берлине и его окрестностях, а также изыали и уничтожили оружие, — словом, всё то, что могло служить Фридриху при продолжении войны.

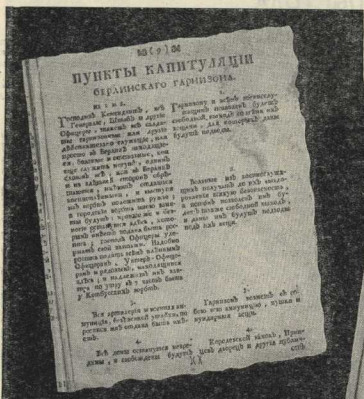
Появление русских, особенно казаков, под стенами города, вызвало в Берлине панику. Много жителей бежало из города, остальные населением также владела лишь мысль о спасении.

Среди военных трофеев, захваченных русскими войсками в Берлине, было 470 русских знамен и 128 штырятов.

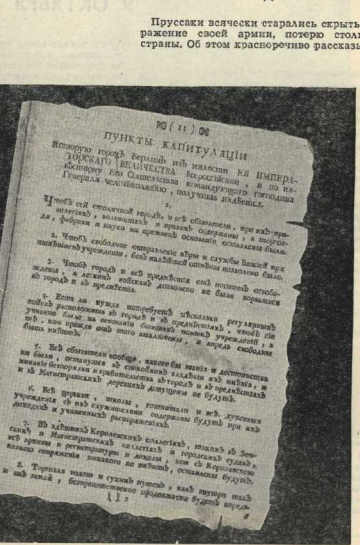
Ведомость трофеев, захваченных русскими войсками в Берлине.

народным правам ведения войны, требует жестокого обращения с ранеными пленными: по его распоряжению, их содержимы в землях в колючки, на той земле, без всякой помощи. В это же время Фридрих

Пруссаки воевавшие старались скрыть поражение своей армии, потерю столицы страны. Об этом красноречиво рассказыва-

Пункты капитуляции берлинского гарнизона и пункты капитуляции, которые команд Берлинской армии императорского величества Всероссийской, и по известному его величеству командующего войсками генерала Меллеровского, получить надлежит.

Титульный лист газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и «Прибавления» к номеру от 24 октября 1760 года (по старому стилю), в котором было сообщено о взятии русскими войсками Берлина.

ет короткая заметка, перепечатанная «Санкт-Петербургскими ведомостями» из одной померанской газеты:

«В берлинских газетах, которые ought начали выходить, ни словом не упоминается о том, что на прошлых днях, как везу свету известно, там происходило. В них упомянуты совсем те числа, в кои победоносные российские императорские войска в Берлине находились. Ибо первый лист газет опубликован с подписанием от 11 по 21 октября и потому недостает 5 номеров, которым по прямой выйти надлежало. Тем не менее весть о русской победе быстро облетела Европу. Как только о взятии

Берлина стало известно в Петербурге, иностранцы поссы прислали русскому кайзеру свои поздравления.

В шведских газетах о падении немецкой столицей было сообщено 27 октября:

«Главномандующий нашей армией в Померании генерал-барон Лангштедтзон прислал сюда обстоятельное извещение о происшедшем 3 числа сего месяца три Ниссавала сражения, а также о взятии российских императорскими войсками города Берлина, при котором их императорского величества вероссийской войска оказались особливою храбростью.

9 октября 1760 года... Замечательным наполнением звучит сегодня эта дата. Недалек день, когда войска-победители снова войдут в германскую столицу — на этот раз для то-

го, чтобы навсегда покончить с гитлеровским режимом с разбойничьими прусскими империализмом, с немецкой военной угрозой миру.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВИКТОРИНА

1. В главе седьмой «Евгеиня Онегина» есть следующие строки:

«Когда благому просвещенью
Отдадим более границ,
Современам (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги верию
У нас изменится безмерно:
Шоссе Россию, здесь и тут
Совална, пересекут.»

Вопрос о том, что это за «философические таблицы», упоминаемые потом, не раз занимал исследователей и комментаторов наследия А. С. Пушкина. Некоторые из них предполагают, что под «философическими таблицами» мог разуметь: 1) какую-нибудь гадательную книгу вроде сочинения Мартина Задеки, 2) философ-

ские письма Чаадаева, 3) статистические таблицы конца XVIII и начала XIX века и, наконец, 4) «Астрономический, экономический и политический Брюсов 200-летней календарь».

Не сможете ли вы дать правильное объяснение пушкинской фразе?

2. В каких двух произведениях Гоголя и Пушкина изображена украинская ночь? 3. Кто написал «Степь» и кто написал «Орел в степях»?

4. Кто из великих русских писателей был современником и Пушкина и Горького?

5. Какие три известных литературных произведения названы именем собаки?

(Ответы см. на 16 стр.)

Наши Зарьян

ГОЛОС РОДИНЫ

Отрывок из поэмы

Здесь Ереван,
Здесь багнет Арагат.
Кто видел небо нашего ясеня,
где голубец и золото горят?
Вот в этих школах,
в синеве теплых,
отбросивших тредом колониал,
мы познавали тайнство наук.
Теперь взгляни сюда:
здесь вначучь,
здесь пиков алгодзариная руда,
библейских гор свивенные каменья
перешаиваются в Престол Труда.
Гигант индустрии, горнилами дыша,
как бы лезть
созревает ночи и сквозь дни.
Он манит, как магнит,
чарует, как Дзинь
или Аши.
Тут наша вей душа.
Товстон стремилась истребить у нас
былаво и градуще.
Товстон
дичарски возмечтал обрушить в грязь
все очаги и храмы.
Думал он
лишить нас и наук, и языка,
и тонки,
и лепки,
и мазка.

Хотел он, чтобы славный Абогян
не мог бы нас Вержалем вводить
в златный мир астеня,
где виноград багряи,
а на листья соробриная нить;
чтобы Сарьян,
возвращенный наших гор,
ветуляющий с творцом-природой в спор,
в налитую зорь обмывания кисти,
галил её в чинак
его корысть.

чтоб Айкянуц, выдыха нежный стих,
по ожерелью песен золотых
не довел наш дух
до высоты,
где чистота блаженной Красоти;
он везду пролезал бы,
словно тать.

чтобы под стрехом пушечной грозы
армянско-чаровнице на лететь
в зельёнокрилат танце стрекози.
Хотел он, чтобы, синизв голоса,
холода мы
под бременем угроз,
понизке поврежённаго ова
сутуля свой
волчачественный рост.
Видали мы не раз
и кровь и дым.
Слыхали пауч и стон.
Так вспомните же и Кубань и Дон!
О, но такли ли ста бы и Кавказ?

Гей!
Во имя и детей и матерей
грохоче же,
кавинте
палача!

Перевод с армянского
И. Сельвинского

Восход солнца над городом, сфотографированный с помощью фотоаппарата «Смена».

CA

Фотограф И. Шагина

Анатолий Шишко

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Рассказ

Откуда бы Аермонтов ни возвращался, с Линии или на Линию, — это был заколдованный круг. Его всё ещё влекло куда-то, введё он был наперуные, вечно в ожидании подвига, в непрерывной борьбе с собой и людьми, от которых он бежал и без которых не мог жить.

На этот раз он ехал в Керчь. Был октябрь. Солнце заходило, погасимый ветер.

Закутавшись в бурку, Аермонтов угрюмо смотрел по сторонам. Встреча с Данзасом, о которой он так мечтал, не дава желанного удовлетворения.

Пожковник Данзас, секундант Пункиных, посланный за дуэля на Кавказскую Линию, принца Аермонтова сухо.

Простерев его бумаги, Данзас сказал: — Я не совсем понимаю, как вы очутились здесь. Ваше поручение касается укрепления пунктов правого фланга Линии.

Аермонтов молча, внимательно смотрел на селезенку голову Данзаса и думал: «Этот человек был другом Пушкина, говорил с ним...»

Об упрямлении Аермонтов не стал спорить. Он сразу же признался, что прискакал сюда из Ставрополя дамскими одним желанием: познакомиться с Константином Каравичем.

Данзас улыбнулся. По ела улыбкиной усмешке, радостношшей его умное, всё в морщинках лицо, Аермонтов понял, что этому человеку можно было смело довериться.

А разговор не вышел. Данзас явно старикис Аермонтова, о Пушкине упомянул вскользь, смутился и замолчал. Аермонтов был разочарован. Ещё одна встреча не обогатила его, но в расставании с Данзасом была минута, взволнованная Аермонтова.

Они стояли на берегу моря. Невдалеке, у крошки пенящихся под солнцем волн,

поскакивал трёхмачтовый корабль. Всё было готово к отплытию. Прогресса пушечный зал.

— Уезжайте, — задумчиво говорил Данзас, — на этом ли, на другом корабле, но бегите, бегите...

— Куда? — спросил Аермонтов. — Куда можете: в Париж, в Туриню — всё равно. Я читал ваши стихи. Они прекрасны! Где бы вы ни очутились, везде вы будете приняты как поэт, равный Пушкину...

Поволчан, Данзас сказал: — Он тоже хотел бежать и не успел...

Аермонтов смотрел, как, припадая, ложжалея у ног волны. Что скрывать: была минута, когда он поддавался этому человеку, там, на берегу Чёрного моря. Ведь оба они были в смысле, обоих ждала свобода в Европе! Мгновенье краткое, как прилив и отлив волны, прошло, и он уже сожалел о нём.

— Это невозможно, — сказала Аермонтов, — голос его был глух, но решительный, — я не могу бежать, как вор, как преступник! И Пушкин не мог! Он хотел видеть чужие страны, путешествовать. Пушкин был великий поэт, и я... — он криво усмехнулся.

Что такое я, Константин Каравич? Армеевский поручик! — глаза Аермонтова сверкнули, он выпрямился. — Через несколько лет я сам приеду в Париж, всеми признанным поэтом!

— Боюсь, что этого не будет, — злокнул, сказал Данзас.

Она расстался. А теперь Аермонтов ехал обратно, в Керчь, и замыслил на себя, на Данзаса, на лыжника, лениво похаживающего лошадей...

Вечерело. Кучер слез и захлёб фонаря. Откнувшись в гущу повозки, Аермонтов закрыл глаза. Но уснуть не удавалось: пружажили грубые толчки, мелькали деревья.

Косая тень повозки бежала по полям. И тогда вдруг легко, сами собой возникли строчки, которые он мучительно искал все эти дни. Стихи не удивили его и не обрадовали: он знал, что расстанется в них со всей своей несбывшейся юностью:

«Люблю отчизну я, но странною любовью!»

Не победил её рассудок мой. Ни слава, купальниая кровь. Ни покой горного доверия покой. Ни тайной старины заветные преданья. Не шевелят во мне страдалью мечталью.»

В Керчь приехали поздно вечером. Авлаи собаки. Повозка остановилась у пристани. Спиригун на земле, Аермонтов раскатился с возницей, медленно пошла влод берега.

Было темно. Над морем пла туман. За дальной полосой волны мелькали огоньки Гаммин, свёрнутого городника, где его отнаждам чуть не утонули. Но об этом он не думал теперь, стоя и смотрел, а в душе росла, крепла, как ветер, непонятная радость.

Перед ним было море. Аэтивно, оно манило, сделалося воманим у ног. Окутаный туманом, Азов дышала холодом. Гулеа ветер в ушах, и, слушая унылый его, разобойный свист, галка в чёрном, нависшие над морем облака, Аермонтов думал о такой же бескрайней России, о несводимых, но милых сердцу друзьях:

«Но я люблю — за что не знаю сам —

Её степей холодное молчанье.

Её лесов безбрежных колыханье.

Разливы рек её подобные морям...»

И было ясно: никакой другой страны ему не нужно, ни Парижа, ни Турини, а только бы вот стоять на своей земле и слушать грохот прибывающих волн, скрип деревьев — не мысленную нигде больше музыку родины.

Кому? Зачем?

ЧТО ЧИТАЛ ЛЕВ ТОЛСТОЙ

В последние годы жизни Лев Николаевич Толстой был занят одной работой, которую он считал более важной и ответственной, чем та, которая выдвигалась в отношении им эпопеи «Война и мир». Толстой составлял круг чтения. Прожив долгие годы жизни (ему в это время было больше семидесяти), он уже свыше пятидесяти лет авторитетной деятельности, создав такие бессмертные произведения, как «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», Толстой перечитывал теперь записки, статьи и письма писателей России, Европы, Индии, Китая, Ирана, Америки. Общавшись с великими писателями всего человечества, он отбирал из сопереживаний их мысли и слова, всё, что казалось ему самым ценным. Особое внимание он располагал по дним и неделям круглого года, он составлял из этих мыслей, рассуждений, рассказов, преданий, сказаний и стихов особый «круг чтения» на каждый год. Толстой ни на минуту не отходил от этой книги, вращавшейся перед собой перламутровой лентой. Ежедневно читая «круг чтения», он советовал делать это и другим. Благодаря до критики он обогатил свой круг чтения новыми вкладами из нечтенной для большинства мировой литературы.

Так поступал Толстой в конце жизни. Но если собрать всё, что прочитал он за долгие годы жизни, круг его чтения оказался бы огромной библиотекой на многих языках.

Толстой был не только великий писатель, но и великий читатель, для которого книга расширяла горизонт человеческого мышления, познающей вселенную и ставящей перед человеком высокие идеалы, нетленную и совершенную.

Рассказывая о своей юности (14—20 лет), Толстой привел список книг, которые оказали на него влияние.

Название книг:	Степень влияния:
Евangelие Матвея:	Огромное
История пророков:	
Стефан Святии- тельное путешествие	Очень большое
Руссо, Исаевел «Эмиль»	Огромное
Новая Элоиза	Огромное
Пушкин, Евгений Онегин	Очень большое
Шналер, Рабляйн- ки	Очень большое
Гоголь, Шинель, Иван Иванович и Иван Никифорович, Нев- ский прощание	Очень большое
Гоголь, Вий	Огромное
Мёртвые души	Очень большое
Тургенев, Записки охотника	Очень большое
Дружинин, Польшка Сакс	Очень большое
Григорьевич, Антон Тургенев	Очень большое
Диккенс, Давид Коперфильд	Огромное
Аермонтов, Герой нашего времени, Та- маша	Очень большое

В чём заключалось это «влияние» книг на Толстого?

Ему было 17 лет, когда, приехав в одну усадьбу по делу, он взял перед своим по-

читать какую-то книгу, прочёл её, не отрывая глаз, до конца и тотчас же начал читать сказку. Это была «Евangelия Онегина» Пушкина. Так без сна прошла вся ночь, но на всю жизнь пошла тогда А. Толстой, что значит правда и простота в искусстве. Пушкин навсегда остался учителем А. Толстого: он и в простоте перечитывал «Евangelия Онегина», удивляясь той простоте и глубине, с какой Пушкин изображает русскую жизнь.

В списке, приведенном выше, А. Н. Толстой указывает, что маленькая повесть Лермонтова «Тамань» оказала на него «очень большое» влияние. В 1939 году мне довелось быть у А. Н. Толстого в Истре. Когда я и спросил его, какое произведение русской литературы (в прозе) он считает наиболее прекрасным в художественном отношении. Никогда не забуду, как он отвечал: «Тамань» Лермонтова.

Важно было мне изумление. Ведь это говорил автор «Войны и мира», величайший писатель своего века! Но из его удивления я узнал, что в какой-то момент внимания читатель Лев Толстой сумел видеть в молодой книге впитавшей в маленькую повесть Лермонтова. Он открыл в ней истинную глубину человеческой правды, поэзии, безграничной мысли и необыкновенную ясность и чистоту языка.

Когда я, изумленный отзывом А. Толстого, дерзнул спросить его, неужели он сам не написал ничего, что могло бы сравниться с повестью Лермонтова, он ответил отрицательно. Он чувствовал себя учеником перед учителем и никогда не scribble, что как автор хвалюющих и севастопольских рассказов и «Войны и мира» многим обязан Лермонтову.

Вот что значит короткое указание, что маленькая повесть «Тамань» оказала «очень большое» влияние на Толстого.

Если б можно было, по условному месту, проследить, как «важная» на Толстого каждая отмеченная им книга, мы бы увидели, какое мощное воздействие оказывало на его мысль и творчество это неизменно расширявшийся круг его чтения, который он составлял всю жизнь.

ИСТОКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Перечисляя произведения, оказавшие на него влияние, когда ему было 35—50 лет, Лев Толстой указывал: «Вячины» — очень большое». Важное признание.

Только что окончив свою народно-героическую эпопею «Война и мир», Толстой погружается в чтение другой эпопеи о богатырях — Илья Муромце, Добрыне Никитиче и других защитниках русской земли, — эпопеи, сложившей в густой дессе в его творческой памяти.

Это чтение производит на Толстого «очень большое» впечатление, такое, что он близко знакомится с одним из величайших былин — «Садко из города Шумейкина». Толстой замечает даже писать повествование о Петре Великом этим языком и стихом былины.

Когда иностранцы читали и зачитывались Толстым, Достоевским, Тургеневым, Чеховым, Горьким, величие знания русской литературы, возмужавшего в недолгое время (новый её период начинается лишь с XIX века), кажется им неведомым: они изумляют их «вневременность» повывания на просторах всемирной культуры.

Но собственный читатель должен знать, что великая русская литература возникла не внезапно, по случайному капризу истории, что она в течение долгих веков создавалась в недрях русского народа. Советские читатели должны знать, что поэмы Пушкина, стихи Тютчева, драмы Островского, повести Тургенева, эпопеи А. Толстого, романы-трагедии Достоевского, рассказы Чехова своими творческими корнями уходят в ту же бескрайнюю глубину народного творчества, неизмеряемого столетиями, откуда исходят могучее «Слово о полку Игореве», древние «Вячины», народные сказки и песни, великие народные агонии, сказания агонистов.

Пушкин, открывавший о писания «Бориса Годунова», слушая и записывая сказки своей няни и сумевший у народа сваять свой предельно прекрасный стих. В круг чтения Пушкина входила «Слово о полку Игореве», агония, жития, «железные» старик русских путешественников, — иными словами, входила вся красочнейшая словесность и письменность.

И. С. Аесков зарывався в древние рукописи старорусских книжников, извлекал оттуда настоящие жемчужины народного искусства, сказания, предания. В И. Давы отдал всю жизнь на то, чтобы собрать, как члеча мёд из цветов, чудесный свой «Толковый словарь живого великорусского языка», где, как драгоценные камни, обрваны благоуханными соцветиями народной речи с её послесловиями, прибаутками и т. д.

Нашей молодёжи надо учиться у Пушкина, А. Толстого, Аескова. Дая этой героической эпопеи и предельно чистого и одного из прекраснейших народов.

Весь круг народной словесности — от былины до загадки, от «Слова о полку Игореве» до детской «Потешки» — это несомненный круг философской мысли, истинно-русской мысли, поэтической образности, лирических чувств, принадлежащих великому народу русскому. С какой же щедростью и любовью должен каждый из нас знакомиться эти драгоценнейшие алмазы и самоцветы из тысячелетней народной сокровищницы!

У нас мало читают и плохо знают поэтов XVIII века, Ломоносова и Державина — больше читают вышедшие из их поэты. А между тем Ломоносов с Державиным в своих героических одах загляли в русскую поэзию тогда, когда как тему любви и служения ей, с чем неразрывно связаны любовь к добру и свободе. И эта патристическая тема, могучие и светлые истоки которой живут в былинах и в «Слове о полку Игореве», уже никогда не потухала в русской литературе, озаряя её лучезарно, струями и славный путь, вдохновляя Пушкина, Гоголя, Лермонтова.

ЗОЛОТАЯ ГЛАВА

Самое простое, чистое и любимое слово о Пушкине сказана Гоголем:

«При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... В нём, как будто в лексиконе, заключались всё богатство, сила и глголе нашего языка. Он более всего, он далеко раздвинул его границы, он охватывал всё, что окружает пространство... В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой ослепительной красоте, в какой отразился и наш русский язык, русский характер и наш русский язык».

Так думали все без исключения русские писатели, продолжавшие дело Пушкина.

Галина Шергова

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Мы разные встречали поезда —
У шумных городов,

на грядных перегогах;
Тревожились, боялись опоздать
К вечерним пропылившимся вагонам.
В бурян, когда не разгадлеть ни зги,
На стациях у снеговых застав
Встрелили первые экспрессы из тайги
И с беженцами шизоидом.
Мы даже встречам потеряли счёт,
Но нам сейчас запомнится

даже ли,
Что раньше мы когда-нибудь ещё
При встрече поезда сильнее волновались,
Чем в этот день.

В развалку по путям,
По шпалам застывшим и чёрным
Курносый паровоз тянул хриптя

Всего четыре груженых платформ.
По рельсам необъезженным и тёмным
Готовый кокс

вели к готовым домам
Здесь всё всё:

разруха, маята,
И месяцев сплошного ожидания,
Часы трезора, часы недоспанных,
И наша злость, и наша правота,
Стружали кокс.

И мы, у края став,
Глядели,
как он рушился, под насыпь...
Мы знали,
что короткий состав —
Путёвка в жизнь
для нашего Донбасса.

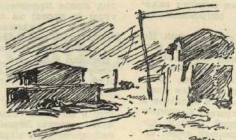

Рис. Ю. Рейнера.

Бор. Чернышев

Иван Бойков

СОЛДАТУ

На войне неписанный закон,
Он знаком тебе или не знаком?
Есть табак — делится табачком,
Есть огонь — то не скупишь огня.
Только трёхлинейную сапо
Никому не доверять в бою.

В час атаки не смотри назад,
Пусть назад глядит лентой приклад.
Дымный труп врага пережигай,
И кураж над степью громыхай,
Но окоп, отбитый у врагов,
Удержки и к бою будь готов!

Если стяг гвардейский на ветру,
Минным взрывом шарканый из рук,
На сурную землю упадёт,
Повинна и с ним идти вперед,
Потому что дренко и шпала —
Это совесть твоего полка.

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

Я пошла тебе по почте полевой,
Яснокала, хорошая моя,
Не полдарок, не полдарок дарю,
А любовь мою, дорогую в бою.

Принесёт тебе писемки порезёк
И улыбку парнистом обо мне.
Ты прочтёшь, моя голубка, между строк
Всё, что думалось казаву на коне...

Не под яблонь-загоношкой в саду,
Где на зорьке загорался алый мак,
А под вулями, у смерти на выду,
Полобля тебя, хорошую, казак.

Говорят, что нет похмелья без вина,
Говорят, что нет радости без мук,
Нет казака без голубки скакуна,
Нет любви, моя голубка, без разлук.

Действующая армия.

Так думал Тургенев, завивший при открытии памятника Достоевскому в Москве: «Нам и нашим потомкам остаётся только идти по пути, проложенному его гением». Так думал Достоевский, провозгласив на всём же пушкинском празднике: «Повестью у Пушкина смывается вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а колья веры, стало быть и надежда, великая надежда на русского человека».

Пушкин — золотая глава в кругу чтения каждого молодого читателя. Пушкин — лучшая школа познания русского народа, в его историческом бытии и в его жизненной правде и красоте. Пушкин — лучшая школа любви и русской природы в её необъятном просторе и простом величии. Пушкин — лучший учитель любви к родине. Пушкин, так определяла его Гоголь, — «это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

Но, воздав Пушкину высочайшую хвалу как великому выразителю русской земли и русского человека, Достоевский в золотым правом говоре: «Укажите хоть на одного из великих гениев, который бы обладал такой способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И это — способность, главнейшую способность нашей национальности, она именно раздвигает с народом нашим... Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей... Наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретённая, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей».

В своём творчестве Пушкин был поэтом всемирным — и ничто человеческое — высокочеловеческое и подлинночеловеческое — не было ему чуждо. Не боясь и не ища соперничества с Шекспиром, Моцартом, Байроном, он пишет своего «Дон Жуана», своего «Скупого», своего «Фауста», он вступает как полноправный участник в многовековую работу европейских народов над вечными вопросами бытия. Своей генистией «всеобъемлющей душой» Пушкин оказывается «своими» и в Испании («Каменный гость»), и в Италии («Подражанье Данте»), и в Германии («Сцена из Фауста»), и в Англии («Шир во время чумы»), и во Франции («Скупой рыцарь»), и даже в древнем мире («Египетские ночи»).

Великий русский воет, с небывалой и непревзойдённой полнотой отграничив бытие своего народа, Пушкин жил мечтой

«...о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся».

В этих благородных словах Пушкин выражает мысль — мечту русского народа — и передаёт её в наследие своим ближайшим преемникам — Ахматовой и Гоголю.

Двадцатичестилетний Ахматович являлся в мировой поэзии с таким мощным призывом к борьбе за освобождение человека, какой до него раздавался только из литературских уст Байрона. Вся поэзия Ахматовича — это воплощённое проклятие чуждому и угнетению, точно так же, как всё великое сатирическое искусство Гоголя — это воплощённый возмущённый и могучий карающий вопль народа, шлохое и язвочное в человеке и в жизни его возмущение к борьбе за освобождение человеческого в человеке.

Пушкин, Ахматович, Гоголь с их предельными и пророческими словами — это тот обязательный круг чтения, созданный русским народом, из которого неизменно слышится благородный призыв —

«...в ненарушимом, благом строе
Ведь человеческого покое
И русским чувством закрепить».

(Глухач)

Русская литература благодаря этому приобрела значение всемирной, и земля любви к человечеству зазвучала в ней с новой силой.

(Продолжение *)

Рис. Г. Валька

Краткое содержание предыдущих глав

Москва, лето 1942 года. Профессор А. Хлебников являл часть себя в гавани на фронте сына Евгения. «Я буржуа сына профессор называет немца, адресованное С. Сосновки, и передает его во начальнику». Имя повествователя Алексея Хлебникова — Сосновка — указывает на Москву в Бузуртуй, так она работает в чинах. Дочка культуры. Ее анализатор оказывается знаменитый профессор Хлебникова, пошедший выжить в Голландию.

Голландия работает на великом оборонном заводе «Первое Мая». В нем «Я» этого завода привнодит в жизнь сценарий отечественной воздушной силы. При таинственных обстоятельствах и не совсем законных.

В Москве профессора Хлебникова несет его бывший ученик, подполковник контрразведки Сосновка. Но, между прочим, интересен, не было ли среди студентов Рязовского политехникума, где преподавал Хлебников 1920—1921 годы, знакомый по фамилии Густав Каруа. Профессор не помнит такого студента.

В Бузуртуе Сони Соснова встречает товарища Алексея Хлебникова, невестера по кланам звали «Первое Мая» — Шинка. Ее подполковник в повести Шинка — он пролет ее запомнил, что на советской порубит сделать проект так авиационного самолета Громова и в Фронте.

У команданта города Пленка половина Шинка в авиационном деле ширится. На ней присутствуют Николаев и Теса Палача, девица, которой порубит выжить немцы за то, что она выжила из знаменитого парижана Гартмана. На разговорах с глазу на глаз Николаев и Палачерой выясняется, что они оба ведут опаснейшую подпольную работу в тылу у немцев.

Теса Палачера бесследно исчезла. Немцы вступили. Шинка говорит, что это — дело уже партизан, отстоявших Писаровск. Так повесом партиями переработал Тато на самолете через ливень врезали в Густаве Каруа, которого немцы направили для шиверской работы в советский тыл.

В Бузуртуе подполковник Свиринов, Шорин и Писаровск обустраивают поном в чем, каким образом возмуж повар в нем «Я». Выясняется, что все эти люди были в работаву завода «Первое Мая» Топановичу. Улица — выжила из него шиверская авиация, шивр составил по таблице, знаменитой на летать, отороч тою авиационного самолета, который Топанович выла в чинах. Таким способом он получил инструкцию от немецкого шивера Каруа.

Глава XXV

КОНЕЦ ОДНОЙ КАРЬЕРЫ

Давно уже жители Пленка но вливали своего буржуазства, сына профессора Эрофеева, как его называли немцы. Одни говорили, что Эрофеев доишас до белой горячки, другие, — что Эрофеев пошва в гору и немцы выжили его в Германия и немцы послалиса самому «Фюреру». Одни приказали навсегда попрощаться под письмена Эрофеев, и не одна мать проклинала Иуду, и не один разорванный, оскорбленный, униженный семья человек жалал убить эту собаку своими руками, если предстанетса случай. Оставшиеся в Палаче навсегда было изумало, когда немцы объявили о собрании представителей немцев в поселения в местной кинотеатре «Светоч». За два дня до собрания пацкейские холмаи по домам и оповещали, что «старший в доме» должен явиться в кинотеатр «Светоч» в воскресенье, в три часа дня. Ничего хорошего от этого приглашения не ждали.

Когда за кинотеатра была полон, на трибуну поднялас переводчик Луис, которого хорошо знали жители Палача, и переводчик голосом ниц читал: «Господа жители Палача и господа земладельцы! В последнее время германское командование получило много жалоб на деятельность местного буржуазства господина Валдимира Ивановича Эрофеева. Командование решило уловить Валдимира Эрофеева и предоставить местному населению самому решить, к какому нападению следует подлорнуть Эрофеева за его нежелание поступить».

Переводчик кончил чтение, многие пахо слышали, что он читал. В зале возник шум: люди спрашивали друг у друга, что произошло и о чем говорил переводчик. В это время послышасся топот сапог и четыре немецких солдата ввели оборочного бородой, опухшего человека с полускры-

тыми глазами и безучастным выражением лица. Он был одет в хорошее пальто с карманками воротничком и держал в руках карманную шпанку. В это человеке с трудом можно было узнать бургомистра Эрофеева.

Наступила мертвая тишина. Сидевший в боковой ложе командант Шинка позва переводчика и что-то выслушал ему по-немецки. Переводчик вышел вперед и, обращаясь к людям, сидевшим в зале, громко задал вопрос:

— Какого наказания достоин бывший бургомистр Эрофеев?

Ни один голос не нарушил молчания.

— Я повторю, — почти закричал переводчик, — какого наказания достоин бывший бургомистр Эрофеев?

И снова тишина. Люди старались понять тайный смысл этой странной комедии.

Фон Мангейм, усмехаясь, сказала команданту:

— Я говорю вам, что не было этих четверых офицеров.

— Я повторю, — со злым лицом закричал еиш громче переводчик, — я повторю... Но его прервала тонкий, свиряющийся голос какой-то человек выскокша вперед и крикнул:

— Смерть ему, смерти! Фон Мангейм вспомнил, что этого человека он не раз видел у Шинка. Солдаты ввели за ложи Эрофеева. Широко открыл глаза, он с изумлением посмотрел по сторонам. Люди встали, как он поднял руку, какой-то кричалии стон вырвался из его груди, но солдат толкнул его в спину, и Эрофеев, вылетев рукой, пошва, полоча ноги и дверям.

Жители города торжесиво расхожились. Последние, вышедшие из кинотеатра люди, услышавши выстрел и увидевши в складки на спине труп человека в черном пальто с карманками воротничком. Так немцы избавились от «госпоина бургомистра» Эрофеева, который стал им мезужен.

Единственным человеком, который пожалел о преждевременной смерти Эрофеева, был инженер Николаев. Постройка дороги похолола к концу. Нужна была чудодейственная сила, чтобы уложить 140 километров дороги в непроходимых болотах и горах. Командант Шинков и фон Мангейм первыми проехали по ней со скоростью сто километров в час. Дороги поднималась в гору и упиралас в широкую и глубокую реку. Через реку был перекинут мост, выстругий дубой, деревянный мост. Перед въездом на мост была построена арка из березы. Это тоже повиналось высокому начальству. Автомобиль минавала арку и останавливался.

По ту сторону моста стоял среднего одетый Николаев, приложив руку к козырьку меховой шапки. Он проводил гостей в шпавилон с острокожаной вышивкой, высунула их призывный отословитель перемонала встречи командира корпуса, которому фон Мангейм будет докладывать об окончании постройки стратегически важной дороги. Затем оба — фон Мангейм и Шинка — уехали и очень хорешими настроениями.

— Генерал будет доволен, — прозвиз Шинка, сядя рядом с фон Мангеймом в быстро идущей машине.

— Еиш бы! Это будет дорога наступления... Теперь вы знаете цену этому молодому русскому. С ними надо уметь обращаться, даже хватить их, когда они этого заслуживают.

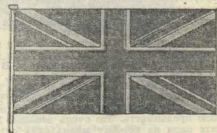
Командант Николаев посмотрел на «группенфюрера».

— Должен был сказать, мой друг, что, если кто и заслужива веревку, то именно этот молодой человек.

— Вы говорите серьезно?

ФЛАГИ МИРА

«Юнион Джек»

В течение ряда летов английским государством велась работа по созданию стиг (знамя) святого Георгия, считавшегося покровителем Англии. Этот стиг представлял собой серебряное полотнище с красным крестом. Национальный флаг Шотландии имел белый крест на лазурном поле. Красный крест крас на серебряном поле — таков был рисунок на государственном флаге Ирландии.

С 1 января 1801 года в Великобританию был установлен единый государственный флаг — так называемый «Совоный флаг» — «Юнион Джек». В нем соединены и расположен на своем поле краски всех трех флагов.

Совоный флаг является обязательной частью не только морского, торгового, военного флага Великобритании, но и всех флагов ее колоний и доминионов. На этих флагах, имеющих самостоятельные цвета и рисунки, изображение «Юнион Джек» помещается в верхнем углу полотнища, у древка.

...однако проверьте всё же свои знания: впишите правалью в оставшиеся места следующие десять терминов: турбина, аэтеразация, амперметр, якорь, пяташка, жаростойка, карборанд, радиоактивность, катапульта, конвертор.

1. — вращающаяся часть мотора или двигателя.
2. — тонкая проволока в электротехнике, излучающая свет.
3. — прибор, смешивающий бензин с воздухом для изготовления горючей смеси.
4. — прибор для измерения силы электроточного тока.
5. — вращающаяся печь, в которой расплавленный чугун превращается в сталь.
6. — двигатель, в котором используются силы струи жидкости, пара или газа.
7. — приспособление для взлёта самолёта с палубы судна.
8. — вращающийся прибор со свободной осью, обладающий устойчивостью при разных положениях; употребляется для придания устойчивости судну и т. д.
9. — свойства, которым обладают некоторые вещества, излучающие невидимые, но всепроникающие лучи.
10. — нагревание органических жидкостей в целях их обезвреживания до температуры, при которой гибнут микроорганизмы.

— Абсолютно серьёзно. Вообще я не умею шутить, вы это знаете.

— Почему вы так думаете? Вы считаете его опасным?

Рассказывая историю, фон Шпанек роинала слова:

— Дорогой друг, неужели... неужели вы не понимаете... почему эти авды работают на него как черти? Они знают, что он нас также ненавидит.

— Ну, это надо доказать.

— Милый Мангейм, нет никакого сомнения, что он связан с партизанами, но есть с остальными партизанами. Вот почему вся работа охота кончилась для нас благополучно.

— Это невозможно!

— Я в этом уверен. Он знал, что все карнаут партизаны. За это они его следуют повсюду.

— Но тогда почему он позвонил о том, чтобы высадить награду эскадр?

— Ему нужно было отвлечь от себя подозрение. Он ведёт двойную игру. Он боится партизан и из страха помогает. В то же время, чтобы свести свою голову, он делает всё, чтобы выследили партизаны.

— А случай с Тасей Пискарьевой? Мы потеряли человека, который доказал нам свою преданность. Это очень досадно. Хотите пари на коробку махаловских сигар, что и в этом похищении замешан Иноземцев?

— Он понял, что она его рьяно не могла продать и развелась с ней.

— Некоторое время они склани молча, наконец фон Мангейм сказал:

— Всё, что вы говорите, похоже на правду, особенно если иметь в виду коварство восточных народов. Но в каждом случае, он пока принесит нам большую пользу.

— Именно потому я его терплю. Но так продолжаться больше не может. Я знаю, что на против извращения его бургомистром вместо Ерофеева.

— Это всё равно, что осудить человека на смерть.

— В конце концов — да. Но не в этом дело. Меня интересует, как этот хитрец поступит в ту минуту, когда под известными нам приказами ему придётся подчиниться своей силе. До сих пор он довольно ловко аширарова... Что он делает? Страна дорогая. Дороги всегда нужны и всем нужны. А теперь его измене будут уничтожать его родичей. Это ему не может пов-

равиться. Именно тут ему придётся показать своё лицо.

Они склани очень быстро, на горизонте уже показались колокольни с пробитым спереди куполом сельской церкви на подворье от Пашека.

— Ну, что ж, — замучиво произнёс фон Мангейм, — вы меня почти убедили. Правда, было бы недостойно, если бы и боролся за жизнь этого молодого вершара. В конце концов, чем меньше их будет на земле, тем лучше для расы господ.

На следующее утро после этого разговора Иноземцев узнал, что на станции его ждёт дрезина. Шпанек прислава за ним персоналика Аухуса. Персоналик должен был сопроводить нового бургомистра Пашека в хозяйственное управление области, где он получит инструкции высшего начальства.

Иноземцев не выразил ни малейшего удивления, он только сказа основанно за ним солдату, что должен отдать необходимые распоряжения, привести себя в порядок, поспешить. На это уйдёт не более часа. Действительно, через час он отпиревился на станцию и увидел на первом пути автодрезину и возле неё первоначи-

ка Иноземцева провозила на станцию какой-то бородатый русский, с которым инженер простился, объяснив, Аухуе показало, что Иноземцев при этом пенгалас с бородатым.

Иноземцев сам рядом с Аухусом, ехал — с водителем автодрезины, и они покатили по рельсам с большой скоростью. Маленькая деревня, телеграфная столбы, пашани дорожной охраны, Под откросом лежали скелеты обгоревших вагонов, пушечных подолок по припаризам. Иноземцеву была знакома эта дорога, и он со скукой глядел по сторонам. На 37-м километре его внезапно привлек столб дыма, поднимавшийся в стороне от дороги. Вероятно, кто-то жёг в аеуе костёр. Странная улыбка пробегала по лицу Иноземцева. Промелькнула столб с цифрой «38». Здесь, на 38-м километре, железнодорожники поалоно пересекли боюта и дрезина. Иноземцев мысленно осматривал секторы: двадцать одна, двадцать две, двадцать три... На двадцать четвёртой секунде он откатил дверь автодрезины, схватив за горло Аухуса, со всей силой толкнул его и вылетел вместе с ним. Дрезина уехала со скоростью 80 километров в час, а два человека свалились в боюта.

Иноземцев не мог видеть, что, промчавшись 300—400 метров, дрезина стала замедлять ход. Вдугу между рельсов беснула огонь, дрезина и авды в ней окутались дымом и взлетели на воздух.

Услышав взрыв, Иноземцев разглядал пальцы, державшие за горло Аухуса. Убедившись, что немцу больше никогда не придётся исполнять обязанности переводчика при команданте горды Пашека, Иноземцев попробовала встать, но ноги его ушли в боюта до колен. Он понял, что попал в трясину. Ступая по вязкой, засасывающей почве было вонти невозможно. Иноземцеву пришлось лечь в, нагрянув всю силу мускулов, медленно ползли вперёд. Так он выбрался на сухое место и углубился в лес. Он был весь в аинной, чёрной крови, глате его изорвало. Иноземцев был недоволен собой: он выбросился из дрезины несколько раньше времени — его авды, взорвавшие машину, остались лежать в стороне. Пока он размылила обо всем этом, посыпавшая скрип колае и голос человека, понукавшего лошадей. Вскоре он увидела мужчину в ватнике и шинели ушлика, который приваа ашадью, сидя на возу, нагруженном свежерубебными берёзками.

Немного подумав и присмотревшись к вознику, Иноземцев вышел на дорогу. Возник станововился и в изумлении глядел на незнакомца, а головы до ног вымазанного в грязи.

— Ну, дядя, — сказала Иноземцев, — вот какое дело: пристрелить меня кизинув на возу, да так, чтобы чужой не узнала. Понятно?

Иноземцев изво всех сил толкнул Луска и вылетел вместе с ним.

КОНКУРС «СМЕНЫ»

РИСУНИ К РАССКАЗУ

Редакция предлагает читателям написать к этим рисункам художника Г. Балашова короткий рассказ. Четыре рисунка рассказывают о некоем драматическом происшествии. Попытайтесь его себе представить и изложить в форме очень короткого сюжетного рассказа.

Условия нашего конкурса следующие: рисунок обязательно должен послужить иллюстрациями к отдельным моментам рассказа; рассказ должен иметь оригинальный сюжет и по размеру не превышать 500 слов.

Лучший рассказ будет напечатан в журнале. Автор его получит денежную подпись на журнал «Смена» на 1945 год.

Рукописи, присылаемые на конкурс, должны быть чётко написаны на одной стороне листа и отправлены в редакцию не позже 25 декабря этого года.

— Понятно, — сердито сказала женщина. Он склеил несколько молодых берёз.

Иноземцев не без труда уложил, возница, как мог, прикрыл его хворостом и теми же берёзками. В таком виде Иноземцев доехал до деревни.

Он вышел из-под хвороста, когда стемнело. Хозяин успел хвостить баню. Вымывшись, Иноземцев переоделся в припасённое хозяйном тряпье. Он глядел на измождённые лица хозяина и хозяйки и ни о чём не спрашивал: он лучше других знал горькую жизнь этих людей под немцем. Хозяйка посостояла гостю остаться до утра, но хозяин обормотал её.

— Человек сам знает, как для него лучше.

— Огородами они вышли к лесной опушке. — Тут тебе просека будет, пойдёшь по просеке... А там как придётся.

— У меня фонарик, — сказала Иноземцев. — Ну, спасибо тебе за заботы.

Иноземцев нагнула в темноте жёсткую лавку хозяина.

— Будь здоров!

— Будь здоров, — услышав в ответ Иноземцев, — на словах выслушал мне, что ты есть, значит, уж надо. Дай тебе и товарищам твоим доброго здоровья и удачи в святом вашем деле...

Он не видел лица хозяина, но услышав в голосе его неожиданную теплоту и ласку. — Спасибо...

Иноземцев пошёл по просеке. Морозный ветер дул ему в лицо, и он почувствовал, как смея, поворачиваясь в уголке его глаза, превратилась в колючую льдинку...

Глава XXVII

НЕКИЙ ГУСТАВ МАКСИМИЛИАНОВИЧ

С оня давно не видела своих знакомых — Шюрина, Головина. Девушка, постыла с фронта, пришла к ней ещё раз перед отъездом, но не зашла и оставила записку: «Не забывай Женю».

На следующий день после её отъезда в библиотеку пришла Шюрина, поговорила о новостях с фронтом, о новостях на заводе, о том, что в этом месяце заводу, безусловно, дадут порождающие знамя, и неожиданно спросила:

— Давно Голова вашего московского знакомого Головина?

— Не очень давно. Приглашает к себе, но, окрошено говоря, мне не хочется идти...

— А вы бы к нему зашли, — улыбавшись, сказала Шюрина.

— Может быть, зайдю. Уж очень хотелось одной по вечерам.

— Если зайдёте сегодня, то при случае, когда будет удобно, спросите его, не знала ли он некоего Густава Максимилиановича Краузе.

— Краузе? Ну, и что же?

— Посмотрите, какой получится эффект... Если спросит, откуда вы знаете эту фамилию, скажите, что слышали её в детстве вколых от Андрея Андреевича. А потом не забудьте позвонить ко мне, но возможности сейчас же после этого разговора.

Сона внимательно посмотрела на Шюрина. Он ототла долги и серьёзные взглядом.

— И позволю вам, — сказала она.

В тот же вечер, около десяти часов, Соня позвонила Шюрингу.

— Ну как, спросил?

— Да. Эффект получился страшный. Я думала, что с ним сердечный припадок. Он победил весь, посмотрел на меня странно и спросил, где и слышала эту фамилию. Я ответила.

— И что же?

— Он немного успокоился.

На это кончился телефонный разговор. С того вечера никто больше не видал Головина.

(Продолжение следует.)

ТАЙНА НИКОЛАЯ АППЕРА

Два раза соседи пытались съездом Николая Аппера, бывшего придворного кондитера Людовика XVI: ходили слухи, что он ловит детей на темных улицах Парижа и вводит их в котла своей огромной кухни. В те дни у парижан было немало дров, а слы еще меньше, и прожогое с удивлением смотрели на густой дым, постоянно клубившийся над трубой дома Аппера.

Кондитера Аппера была давно закрыта, но ничего не пропало, но его кухня работала, словно обслуживала поке солдат. Любопытные соседи кондитера, вероятно, удивлялись бы еще больше, увидев, как Николай Аппер разламывает содержимое кипятильника в баночки и на каждую наклеивает этикетку с указанием, что находится в сосуде и когда это приготовлено. Сотни таких банок завладела домом Аппера, они съели всё его имущество, имели воле Марселя, кондитерскую на улице Галуабах рок...

На дне своего котла Аппер хотел выявить секрет сохранения пищи на долгое время — и не мог. Чужесынный будильник через несколько дней превращался в мутную, дурно пахнущую жидкость, плесенью покрывались веревочные осы и соусы. Аппер добавлял соли, сахара, перца, варил пищу в течение долгих часов на медленном огне или хранил её на пламени, выламывая по своему аскетическому стилю. Результат был всегда одинаков: спустя определенное время кушанья надо было выбрасывать.

В отчаянии Аппер обратился за советом к Гэ-Лосску, ученому, чье имя знал каждый парижанин. Гэ-Лосску тогда был занят усовершенствованием пороха для войск французской армии Директория. Первые опыты не дали успеха, учёный был сердит, болел. Он привел Аппера за жулика или сумасшедшего.

— Оставьте ваше бессмысленное занятие, — сказал он кондитеру. — Всё мёртвое должно гнить...

В дни Аппера никто ещё не знал, что виноконим порошков продуктов являются бактерии, носившиеся повсюду в воздухе. Книжки образки воображаемый кондитер думался до приготовления еды без доступа воздуха, неизвестно. Не однажды во время своих опы-

тов Аппер закрыв банку с мясом пробой и помещал её в котел с кипящей водой. Эта банка также получала соответствующую этикетку и была устроена на полке в кладовой. Прошёл месяц, и Аппер, привычной рукой выламывая банку из непрочного содержимое своих бесчисленных банок, вдруг увидел булону, как будто сваренную только вчера, хотя дата указывала, что она стояла в кладовой тридцать жарких летних дней. Так был открыт способ консервирования пищи. Аппер пригласил в закрома банки говядину с горшком, жаркое из кролика, несколько соусов и всё это хранил в замечательном виде полгода...

...Много военных тайн видел казематы Бреста, французской морской крепости. Здесь составлялись планы высадки на флот-врга, рассматривались проекты новых кораблей. Внезапно тайна пришла сюда из кухни: Аппер осмелился предложить адмиралу французского флота испробовать приготовленные им шесть месяцев назад кушанья и решить, годятся ли они в качестве провiantа для матросов, отправляемых в дальнее плавание. Морские не поверили Апперу. «Это сварено вчера, — заявили они. Тогда Аппер отдал своим банкам в кладовую адмиралтейства, где они хранились ещё месяц. Только после этого Наполеону и было дозволено, что парижский кондитер Николай Аппер открыл, как приготовить пищу «на неограниченный срок». Наполеон сам принял Аппера и, прожогом его на плечу, сказал: «Мои солдаты с твоими орданками завоеуют мир».

Слова быстро пришла в скропный дом Аппера. Сохранился портрет бывшего кондитера, в мундире с расшитым воротником, выско подвизавшим худое лицо с голыми, устремленными пальцы и уже не замечающими простых смертных. Но Аппер слишком опередил своё время, его открытие тогдашней промышленностью не могло быть использовано как следует. Только сто лет спустя после смерти Аппера, скочившиеся в 1840 году, консервация банки по-настоящему завладела миром.

Инж. А. Мероза

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВИКТОРИНА

Ответы. Вопросы см. на 7 стр.

1. Во времена А. С. Пушкина «философские» называли старинные астрономические таблицы, по которым можно было определять положение планеты на много лет, даже столетий, вперёд. Названия этих таблиц «философские» связаны с тем, что под «натуральной философией» в старину разумели физико-математические науки; поэтому «натуральной философией» также предсказывали себе сомнения по поводу естественности, а не по философии, в нашем понимании.

2. В повести Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала»: «Знаете ли вы украинскую вишню?» и т. д.

В поэме А. С. Пушкина «Полтава»:

«Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо, звёзды блеснут.
Сосны дремлют, пруды спят.
Не шумит воздух. Чуть трещит
Серебристых толовей листы,
Луна сполохно в высоты
Над Белой Церковью сияет,
И пыльных степей туманы,
И старый замок озаряет.»

3. «Степь» написана А. П. Чеховым в 1888 году; «Город в степи» принадлежит перу А. С. Серафимовича (1907—1910 годы).

4. Лев Толстой (родился в 1828 году, умер в 1910 году).

5. «Каштанка» и «Белолобый» — А. П. Чехова, «Муму» И. С. Тургенева.

Зимний Ленинград.
Григорий на дереве С. Мочалова

В НОМЕРЕ:

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАН — Чужесынное слово.
В. ИЗАКОВ — За Вислой и за Дунаем.
М. ШАГИНИН — Молодая Армения.
Русские войска в Берлине. 9 октября 1760 года.
Н. ЗАРЬЯН — Голос родины.
А. ШИШКО — Возвращение.
С. ДУРЫЛИН — Круг чтения.
Молодые поэты. Г. ШЕРГОВА — Путёжка в жизнь. Б. ЧЕРНЫШЕВ — Соудаты. И. БОЙКОВ — Казачья песня
Л. НИКУЛИН — Золотая звезда. (Продолжение.)
Инж. А. МОРОЗОВ — Тайна Николая Аппера.
Флаги мира.
Литературная викторина.

Мы все это знаем, однако...
Конкурс «Смеян» — раскраска по рисунку.
Ребус-кроссворд.
Рисунки художников Г. ВАЛАНШОВА, Г. ВАЛЬКА, Н. КУЗЬМИНА, С. МОЧАЛОВА, Ю. РЕЙНЕРА, Л. СОЙФЕРТИСА.
На вкладыше: «ИМН ОКТЯБРЮ» — картина художника А. ГЕРАСИМОВА.

Ответ к задаче «Ловка шпиона», напечатанной в № 17

Фотография изображает берег моря и шаровую лодку. Ветер дует с берега — это морской прибрежный ветер, или бриз. Дым судна выгнывается боком, чем ветер; тёплый воздух над сушей поднимается вверх, и его место занимает более холодный воздух, поступающий с моря; ночью же над морем воздух теплее, и поэтому происходит обратный процесс: на его место с суши перекачивается воздух холодный, а следовательно, более плотный и тяжёлый. Этот воздух по ветру дует с моря, а по утрам — с суши. На фотографии видно, как шаровая лодка под парусами от берега в море; следовательно, сейчас сделал утром, а не вечером.

Ответственный редактор — Борис ВОЙТКОВ.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Формат 21x110 см 2½ печ. л. Вып. в печ. л. 98.000. Вал 2435. Тираж 30 000 экз. Изд. № 650. А5341. Подписано и почтой 15/ХІ—44 г.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

РЕБУС-КРОССВОРД

Для того чтобы узнать значение слов кроссворда, нужно разгадать ребусы под соответствующими номерами.
 ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ КРОССВОРДА ПО ГОРИЗОНТАЛИ: ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ КРОССВОРДА ПО ВЕРТИКАЛИ:

1 Т6 О А

4 "Д Я

7 "О " БЛЮЗ В

8 "М

9 "Е "Е В

10 (Е)

11 АЖ Е ИЗ Е

14 М БЫК НЫЙ В

17 (СТ) П СР БЫ

20 Х МИЛИ "ДЕ В

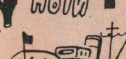
23 В В

24 ИЗ "НО "ИР П А

25 "ДА

26 " " " " "

27 П Р Т Ч НЫЙ Т "

28 ОТ6 "А

1	2	3	4	5	6
7					
8					
9					
10					
11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22
23					
24					
25					
26					
27					
28					

1 И

2 @ "СА

3 НАМ " "ТИ

4 Д Л Л И НЫХ

5 " "И

6 НЕ К " " " " " "

Цена 1 руб.

Артистка Галина Водяницкая в роли Зины Космодемьянской. Кадр из фильма «Зоя».